

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Фрайди. Бездна

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Кукловоды. Дверь в Лето

•
Луна — суровая госпожа

•
Красная планета. Звездный зверь

•
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•
Иов, или Комедия справедливости

•
Небесный фермер. Среди планет.
Космическое семейство Стоун

•
*Достаточно времени для любви,
или Жизнь Лазаруса Лонга*

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Достаточно времени
для любви,
или Жизнь
Лазаруса Лонга**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
TIME ENOUGH FOR LOVE
Copyright © 1973 by Robert A. Heinlein,
2003 by the Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Соколова
Серийное оформление Сергея Шикина
Оформление обложки Владимира Гусакова
Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

Хайнлайн Р.

X 15 Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. Ю. Соколова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 704 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-15119-2

Роман Роберта Хайнлайна необычен как по сюжету, так и по своему построению. Это роман-симфония. Не пугайтесь, уважаемые любители фантастики, в нем есть все, что должно вам понравиться, и фантастика в том числе. Просто он сделан по музыкальным канонам — прелюдия, контрапункт, интермедии, есть даже вариации на тему.

Лазарус Лонг, известный читателям со времен раннего произведения Хайнлайна «Дети Мафусаила», долгожитель, мало того — старейший представитель человеческой расы (на момент романного действия — 4325-й земной год — ему уже перевалило за две тысячи (!!!) лет), прошедший путь (год рождения 1912) от кадета ВМФ США до... Межпланетный торговец, один из богатейших людей в галактике, успешный колонизатор, щедрый, любвеобильный муж — и, несмотря на это, человек, готовый рискнуть всеми своими связями, всем состоянием, чтобы участвовать в эксперименте со временем и вернуться во времена детства...

Перевод романа публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© Ю. Р. Соколов, перевод, 2018
© С. В. Голд, послесловие, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15119-2

Посвящается Биллу и Люси

ПРЕЛЮДИЯ

I

Дверь в кабинет распахнулась, и человек, мрачно глядевший в окно, обернулся:

— И кто вы, черт побери, такой?

— Я Айра Везерел из Семейства Джонсонов, предок. Исполняющий обязанности председателя собрания Семейств.

— Ждать заставляешь. И не зови меня предком. А почему только исполняющий обязанности? — недовольно прорычал человек в кресле. — Что, председатель слишком занят, чтобы повидаться со мной? Или я не стою его внимания?

При этом он даже не почесался, чтобы встать или предложил гостю присесть.

— Прошу прощения, сэр. Я и есть высшее должностное лицо в Семействах. Но уже довольно давно — несколько столетий — принято использовать термин «исполняющий обязанности председателя»... на случай, если вы вдруг обнаружите желание объявиться и снова занять это место.

— М-да? Смешно. Я не вел собраний попечителей Фонда уже тысячу лет. А «сэр» звучит ничуть не лучше, чем «предок», — так что лучше зови меня по имени. Я послал за тобой два дня назад. Ты что, путешествовал по живописным местам? Или мое право встречаться с председателем уже отменили?

— Я не помню такого правила, Старейший, — должно быть, оно существовало еще до того, как я вступил в должность, но для меня любая встреча с вами — долг, честь и удовольствие. Я рад, что удостоен чести обращаться к вам по имени, только скажите, какое имя вы сейчас носите. Что касается задержки: я получил ваше распоряжение тридцать семь часов назад и посвятил их изучению древнеанглийского, так как мне сообщили, что вы отказываетесь общаться на каком-либо ином языке.

Старейший немного смутился.

— Правильно, я не слишком горазд в здешней тарабарщине — память меня подводит в последнее время. Должно быть, и отвечаю как-то невпопад, даже если понял вопрос. Имя... черт, под каким же именем меня здесь записали? Мм... Вудро

Уилсон Смит — так меня в детстве звали. Собственно, долго и не пришлось им попользоваться. Думаю, Лазарус Лонг — имя, которое я использовал чаще всего, — вот и зови меня Лазарусом.

— Благодарю вас, Лазарус.

— За что? Не нужно этих дурацких формальностей. Ты же не дитя, а председатель. Сколько тебе? И ты в самом деле выучил мой «молочный» язык, чтобы поговорить со мной? Да еще меньше чем за два дня? С нуля? А мне вот, чтобы освоить новый язык, нужна хотя бы неделя, а потом еще одна, чтобы избавиться от акцента.

— Мне триста семьдесят два года, Лазарус, уже под четыре сотни по земным стандартам. Классический английский я выучил, когда приступил к своей нынешней работе, но в качестве мертвого языка, чтобы в оригинале читать старые записи Семейств. И, получив ваше распоряжение, я всего лишь попрактиковался: поучился говорить и понимать слова на слух. Североамериканский двадцатого столетия, ваш «молочный язык», как вы сказали, — поскольку лингвоанализатор заключил, что вы говорите именно на этом диалекте.

— Умная машина. Наверное, я говорю так, как в детстве; говорят, мозг не в состоянии забыть первый язык. И мой выговор, как и у всех уроженцев кукурузного пояса, похож на визг ржавой пилы... А ты тянешь слова по-техасски, да еще в английско-оксфордской манере. Странно. Я полагал, что машина просто выбирает наиболее близкий вариант из всех предложенных в нее.

— Наверное, так оно и есть, Лазарус, но я не специалист в технике. А вы с трудом меня понимаете?

— Вообще нет. С произношением у тебя все в порядке; оно куда ближе к речи образованного американца, чем тот диалект, который я выучил ребенком. Но я пойму всякого, от австралийца до йоркширца: произношение для меня не проблема. Очень мило с твоей стороны. Душевно.

— Рад слышать. У меня есть некоторые способности к языкам, так что особых хлопот и не было. Стараюсь разговаривать с каждым из попечителей Фонда на его родном языке. И привык быстро осваивать новые варианты.

— Да? Но все равно очень любезно с твоей стороны, а то я уже чувствую себя животным в зоопарке, которого никто не понимает. Эти болваны, — Лазарус кивнул в сторону двух техников, облаченных в защитные костюмы и зеркальные шле-

мы, они держались в стороне от Лазаруса и его гостя и в разговор не вступали, — английского не знают. С ними не поговоришь. Нет, длинный кое-что понимает, но запросто с ним не поболтаешь. — Лазарус свистнул и ткнул пальцем в высокого. — Эй, ты! Кресло для председателя, быстро!

И жестом подкрепил сказанное. Высокий техник притронулся к пульта управления ближайшего к нему кресла. Оно покатилося, развернулось и остановилось перед Лазарусом. Айра Везерел поблагодарил — Лазаруса, не техника, — уселся и вздохнул, когда кресло, ощутив его присутствие, погрузило гостя в свои мягкие объятия.

— Удобно? — спросил Лазарус.

— Вполне.

— Хочешь перекусить — или выпить? Закурить? Боюсь, тогда тебе придется поработать моим переводчиком.

— Нет, благодарю вас. А вы не хотите что-нибудь заказать?

— Не сейчас. Меня тут кормят, как гуся, один раз даже насильно кормили, черти. Ну, раз все в порядке, приступим к беседе. — Лазарус вдруг взревел: — КАКОГО ЧЕРТА Я ДЕЛАЮ В ЭТОЙ ТЮРЬМЕ?!

— Это не тюрьма, Лазарус, — спокойно ответил Везерел. — Это номер для весьма важных персон в клинике омоложения Говарда, что в Новом Риме.

— А я говорю — тюрьма. Только тараканов не хватает. Это окно — его ломом не разбить. А дверь — открывается на любой голос, кроме *моего*. Пойдешь в сортир — один из этих болванов стоит у тебя над душой. Черт, не знаю даже, мужик передо мной или баба... и это мне тоже не нравится. Готовы на руках держать, когда я делаю пи-пи. Черт знает что!

— Я посмотрю, что можно сделать, Лазарус. Но техников тоже можно понять. Получить травму в ванной комнате можно легко — а они знают, что, если вы получите травму, пусть и не по вине персонала, дежурный техник будет жестоко наказан. Они добровольцы, им хорошо платят. Вот и стараются.

— Значит, я прав — это тюрьма. А если это палата для омоложения... ГДЕ ТОГДА КНОПКА ДЛЯ САМОУБИЙСТВА?!

— Лазарус, «каждый человек имеет право на смерть».

— Да это мои собственные слова! И кнопка должна быть вот здесь. Видишь от нее даже след остался... Итак, я без суда заключен в тюрьму и лишен при этом самого главного права. Почему? Парень, я взбешен. Понимаешь, в каком опасном по-

ложении ты оказался? Никогда не дразни старого пса, — может быть, у него хватит сил тяпнуть тебя в последний раз. Да при всей моей старости я ж тебе руки переломаяю, пока эти болваны очухаются.

— Ломайте, если это доставит вам удовольствие.

— Да? — Лазарус Лонг призадумался. — Нет, не стоит усилий. Они ведь отремонтируют тебя за тридцать минут. — Он вдруг ухмыльнулся. — Но я вполне способен свернуть тебе шею и разбить череп за то же самое время. С такой травмой они не справятся.

Везерел не шевельнулся и смотрел совершенно спокойно.

— Не сомневаюсь в ваших способностях, — проговорил он. — Но едва ли вы станете убивать одного из своих потомков, не дав ему возможности поторговаться за свою жизнь. Вы, сэр, — мой далекий пращур по семи различным линиям.

Лазарус пожевал губами и с несчастным видом сказал:

— Сынок, у меня столько потомков, что кровное родство уже не имеет значения. Впрочем, ты прав. За всю жизнь я никого не убивал просто так. Вроде бы. — Он опять ухмыльнулся. — Но если мне не вернут ту самую кнопку, я могу сделать исключение — персонально для тебя.

— Лазарус, если хотите, я прикажу немедленно установить ее: но можно сначала сказать десять слов?

— Хм, — недовольно проворчал Лазарус. — Хорошо. Пусть будет десять. Только не одиннадцать.

Помедлив мгновение, Везерел стал загибать пальцы:

— Я-выучил-ваш-язык-чтобы-объяснить-насколько-нуждаюсь-в-вас.

— Десять, все честно, — согласился Лазарус. — Но в них намек на то, что тебе нужно еще пятьдесят. Или пятьсот. Или пять тысяч.

— Или ни одного, — добавил Везерел. — Вы можете получить свою кнопку без всяких объяснений. Обещаю вам.

— Тьфу! Айра, старый пройдоха, ты сейчас действительно убедил меня, что мы с тобой родственники. Ты прекрасно знаешь, что я не покончу с собой, не узнав, что у тебя на уме... тем более что ты выучил мертвый язык для одного короткого разговора. Хорошо, говори. И первым делом объясни, что я здесь делаю. Я знаю — знаю! — что никакого омоложения не заказывал. Но, проснувшись, я обнаруживаю, что дело наполовину сделано. И тогда я зову председателя. Итак, зачем я здесь?

— Может быть, мы вернемся чуточку назад? И вы объясните мне, чем занимались в той ночлежке в трущобах старого города?

— Что я там делал?! Я там *умирал*. Спокойно и благопристойно, как загнанный конь. Пока твои зануды не схватили меня. Или ты думаешь, что для этого можно найти лучшее место, чем ночлежка, если человек не желает, чтобы его тревожили? Заплатил им вперед — и они тебя не трогают. О, они стянули все, что у меня было, даже ботинки. Но я ожидал этого: окажись я на их месте, точно так же поступил бы в подобных обстоятельствах. А обитатели ночлежек обычно добры к тем, кому приходится хуже, чем им самим, — там всякий подаст напиток больному. Вот чего я хотел — остаться в одиночестве и свести все счета по-своему. Так и было, пока не явились твои топтуны. Скажи, как они меня разыскали?

— Лазарус, меня удивляет не то, что мои спецфорс... как это называется, «копы»? Да, «копы» — что мои копы нашли вас, а то, что они потратили столько времени на поиски, идентификацию и задержание. За это начальник отдела вылетел с работы. Я не терплю неумех.

— Значит, ты его выгнал? Дело твое. Но почему? Я же прибыл на Секундус с Окраины и, кажется, не оставил следов. Все так переменилось с тех пор, когда я в последний раз имел дело с Семействами... когда обманом прошел омоложение на Супреме. Значит, теперь Семейства обмениваются информацией и с Супремой?

— Боже мой, Лазарус, нет, конечно, — и вежливым словом не обменялись. Среди членов Фонда существует сильное меньшинство, которое полагает, что, вместо введения эмбарго, Супрему следует попросту уничтожить.

— Что ж... если звездная бомба¹ поразит Супрему, скорбь моя дольше тридцати секунд не продлится. Но у меня были причины пройти омоложение именно там, хотя пришлось изрядно переплатить за ускоренное клонирование. Но это совсем другая история. Так как же, сынок, вы меня обнаружили?

— Сэр, приказ всеми силами разыскать вас уже семьдесят лет исполняется не только здесь, но и на каждой планете, где Семейства держат свои представительства, а что касается того, как мы это сделали... вы помните прививку от лихорадки

¹ *Звездная бомба* — бомба, основанная на эффекте «новой» (см. повесть «Бездна»). — *Примеч. С. В. Голд.*

Рейбера, которую в обязательном порядке делают всем иммигрантам?

— Помню. Досадный пустяк, не стоило поднимать шума, ведь я знал, что меня ждет ночлежка. Айра, я понимал уже, что умираю. И все было в порядке — я был готов к смерти. Только не хотелось умирать в одиночестве, в космосе. Хотелось слышать человеческие голоса, ощущать запахи тел. Ребечество, конечно. Да и ко времени приземления я был уже достаточно плох.

— Лазарус, лихорадки Рейбера не существует. Если на Секундус прибывает человек, которого не удастся идентифицировать никаким способом, то под видом прививки от «лихорадки Рейбера» или иной несуществующей болезни у него берут образец мышечной ткани, пока в тело вводится стерильный физиологический раствор. Без идентификации генетического профиля вас бы просто не выпустили из космопорта.

— Ах вот как! А что вы делаете, когда прибывает корабль с десятком тысяч иммигрантов?

— Загоняем в карантинные бараки и проверяем. Но теперь при такой скудости матушки Земли это случается не часто. А вы, Лазарус, прибыли один, на частной яхте стоимостью от пятнадцати до двадцати миллионов крон.

— Тридцать.

— ...стоимостью тридцать миллионов крон. Сколько человек в Галактике способны позволить себе такое? А сколько из них предпочитают путешествовать в одиночку? Да в порту все сразу же должны были засуетиться. А они просто взяли у вас образчик тканей и, поверив вам, что вы остановитесь в Ромулус-Хилтоне, отпустили вас... Не сомневаюсь, что до темноты у вас уже были другие документы.

— Безусловно, — подтвердил Лазарус. — А твоим копам следовало бы знать, что подделка документов поставлена на широкую ногу. Если бы я так не устал, сам бы подделал свои документы. Так безопаснее. Значит, на этом я и попался? Ты все выжал из торговца бумажками?

— Нет, мы его так и не нашли. Кстати, не скажете ли, кто он, чтобы...

— А если не скажу? — резко оборвал его Лазарус. — Одним из условий сделки было не закладывать его. И плевать мне на то, сколько ваших правил он там нарушил. Кстати — кто знает? — быть может, придется снова воспользоваться его услугами. Ну если не мне, так кому-то другому, также избегаю-

щему внимания твоих шпииков. Айра, я не сомневаюсь, что ты действуешь из лучших побуждений, но мне не нравится любой строй, который требует удостоверений личности. Уж лет сто назад я взял за правило держаться подальше от перенаселенных мест, где требуются такие вещи, и в основном соблюдал его. Надо было и на этот раз не изменять привычке. Но я просто не рассчитывал дотянуть до какого-то там установления личности. Еще дня два — и я бы помер. Наверное. Как ты засек меня?

— С трудом. Узнав, что вы на планете, я все перевернул вверх дном. Тот начальник отдела оказался не единственным пострадавшим. Ты скрылся таким незатейливым способом, что поставил в тупик всех. Мой начальник службы безопасности даже предположил, что вас убили, а тело уничтожили. Я ответил, что если он окажется прав, то может подумать о том, чтобы перебраться на другую планету.

— Быстрее! Я хочу знать, как меня одурачили?

— Я не стал бы употреблять последнего слова, Лазарус, так как вас безуспешно разыскивали все копы и шпики этой планеты. Но я знал, что вы живы. Конечно же, на Секундусе случаются убийства, особенно в Новом Риме. Но все они обычно дела семейные: муж убивает жену — или наоборот. Рост таких преступлений у нас заметно снизился, когда я ввел за них равное наказание и велел проводить казни в Колизее. В любом случае, я не сомневался — человек, проживший две тысячи лет, не даст убить себя в темном переулке. Поэтому я предположил, что вы живы, и спросил себя: а где бы спрятался ты, Айра, будь ты Лазарусом Лонгом? Я погрузился в глубокую медитацию и начал думать. Потом попытался проследить ваш путь, коль скоро мы обнаружили ваши следы. Кстати... — Исполняющий обязанности отбросил назад накидку, достал большой конверт и протянул Лазарусу. — Эту вещь вы оставили в абонентном ящике в Тресте Гарримана.

Лазарус взял конверт.

— Его вскрывали.

— Это сделал я. Согласен, что поторопился, — но вы адресовали его мне. Я прочел, но никому не показывал. А теперь просто забуду о нем. Хочу лишь сказать: меня не удивило то, что вы завещали свое состояние Семействам... но я весьма тронут тем, что яхту вы оставили лично председателю. Чудесный кораблик, Лазарус, и мне даже чуть-чуть хочется им обладать, но не настолько, чтобы стремиться поскорее унаследо-

вать его от вас. Но я собирался объяснить, почему мы так нуждаемся в вас, — и позволил себе уклониться от темы.

— Айра, я не спешу. А ты?

— Я? Сэр, у меня не может быть обязанности более важной, чем беседа со Старейшим. К тому же мои сотрудники управляют этой планетой куда более эффективно, если я не опекаю их слишком плотно.

Лазарус кивнул.

— Так поступал и я, когда позволял вовлечь себя в дела. Прими на себя весь груз, а потом по возможности быстро перераспредели его между сотрудниками. Как сейчас обстоят дела с демократами? Много хлопот доставляют?

— С демократами? О, вы, должно быть, имеете в виду уравнителей. Я было подумал, что вы говорите о церкви Святого Демократа. Церковь мы оставили в покое, они нам не мешают. Но движение уравнителей проявляется каждые несколько лет и всякий раз под новыми названиями: партия свободы, Лига угнетенных — но от названий ничего не меняется, потому что они неизменно требуют изгнать негодяев, начиная с меня, и посадить на освободившиеся места своих негодяев. Мы с ними не связываемся, только следим, а как-нибудь под утро берем главарей вместе с семьями и высылаем. Депортируем. «Жить на Секундусе — привилегия, а не право».

— Ты цитируешь меня.

— Совершенно верно. Это ваши слова из договора, согласно которому Секундус передается Фонду. В нем говорится, что на этой планете не будет никакой системы управления, кроме законов, которые действующий председатель сочтет необходимыми для поддержания порядка. Мы выполнили свое соглашение с вами, Старейший. Сейчас я здесь единственный босс до тех пор, пока попечителям не захочется меня сместить.

— Да, так я и задумывал, — согласился Лазарус. — Но, сынок, дело, конечно, твое, и сам я на это место больше не сяду — но я сомневаюсь, что следует избавляться от всех смутьянов. Чтобы испечь булку, нужны дрожжи. Общество, освободившееся от своих бузотеров, непременно начинает катиться под гору. Это овцы. В лучшем случае — покорные строители пирамид, в худшем — выродившиеся дикари. Не исключено, что ты таким образом избавляешься от созидателей — от творческой десятой доли процента. От дрожжей.

— Боюсь, что вы правы, Старейший, и это одна из причин, почему вы так нужны нам.

— Я же сказал — я не вернусь!

— Не угодно ли выслушать меня до конца, сэр? Мы не собираемся просить вас об этом, хотя по древнему обычаю сие право, безусловно, принадлежит вам — если только вы захотите. Но я мог бы воспользоваться вашими советами...

— Я не даю советов — люди никогда им не следуют.

— Очень жаль. Меня устроила бы просто возможность поговорить о своих проблемах с человеком более опытным, чем я. А что касается смутьянов... Мы же не истребляем их, как прежде, — все они в основном живы. Изгнать человека на другую планету — способ более надежный, чем казнить его по обвинению в предательстве; таким образом избавляешься от бунтовщика, не озлобляя его соседей. В то же время мы не теряем его... их... все они ссылаются на одну и ту же планету... ее мы окрестили Счастливой. Слышали о ней?

— Не под этим названием.

— Я полагаю, на нее можно натолкнуться только случайно, сведения о ней мы держим в тайне, сэр, чтобы не потерять возможность использовать ее в качестве Ботани Бэй¹. Планетка не так хороша, как следует из названия, но в целом напоминает Землю-матушку — до того как человечество погубило ее, — или же Секундус — когда мы здесь обосновались. Условия там достаточно суровые, чтобы испытать людей и избавиться от слабаков, но и достаточно мягкие, чтобы прокормить семью, если хватит сил и мужества.

— Похоже, неплохое местечко. Быть может, за него стоит держаться. Туземцы есть?

— Протодоминирующая раса представляла собой свирепых дикарей, если они еще уцелели. Не знаю, мы даже не учредили там разведывательной службы. У туземцев не хватило ума, чтобы принять цивилизацию, и кротости — чтобы смириться с рабством. Быть может, они могли бы эволюционировать дальше и достичь кое-каких успехов, но им не повезло — с Homo Sapiens они встретились чересчур рано. Но эксперимент наш состоит не в этом. Депортируемые, конечно, победят в таком соревновании — не с пустыми же руками мы их

¹ *Ботани Бэй* — место ссылки английских каторжников в Австралии в XVIII–XIX веках.

туда посылаем. Дело в том, Лазарус, что эти люди полагают, что они сумеют создать идеальное правительство с помощью мажоритарного принципа¹.

Лазарус фыркнул.

— Возможно, они действительно сумеют, сэр, — настаивал Везерел. — Я не могу утверждать обратное. В этом и заключается суть эксперимента.

— Сынок, ты что — дурак? Да нет, конечно, нет, иначе попечители уже освободили бы тебя от этой должности. Но... сколько, ты говоришь, тебе лет?

— Сэр, я моложе вас на девятнадцать столетий, — невозмутимо ответил Везерел, — и не стану ни в чем оспаривать ваше мнение. Но мой личный опыт не позволяет мне заранее утверждать, что эксперимент не удастся: я ни разу в жизни не видел демократического правительства, даже на других планетах, а их я посетил немало. Я только читал о них. И на основании прочитанного мог заключить, что подобные правительства никогда прежде не создавались народом, искренне верящим в демократическую теорию. Поэтому я не знаю, что у них получится.

— Гм. — Лазарус казался разочарованным. — Айра, я собирался запихнуть тебе в глотку все свои знания о таких правительствах. Но ты прав: здесь ситуация новая — и мы не знаем, чем она разрешится. О, конечно, у меня есть определенные и достаточно обоснованные предположения — но тысяча мнений не стоит единственного опыта. Это доказал еще Галилей, и у нас нет причин сомневаться. Мм... все так называемые демократии, с которыми мне приходилось встречаться или слышать о них, были учреждены либо свыше, либо же сам плебс потихоньку начинал соображать, что голосованием можно добиться для себя и хлеба, и зрелищ — правда ненадолго, ибо такие системы обычно рушатся. Извини, но я не могу предвидеть исхода твоего эксперимента. Я подозреваю, что из этого получится самая суровая тирания, какую только можно себе представить; мажоритарная система предоставляет сильным бессовестным личностям прекрасную возможность для угнетения ближних. Впрочем, не знаю. А сам ты как думаешь?

— Компьютеры утверждают...

¹ *Мажоритарный принцип* — власть, основанная на воле большинства. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Не слушай компьютеры, Айра; самая сложная машина, которую способен построить человеческий разум, несет в себе все его ограничения. Всякий, кто этого не понимает, забывает о Втором законе термодинамики. Меня интересует твое собственное мнение.

— Сэр, я не могу сформировать свое мнение, у меня не хватает данных.

Лазарус хрюкнул.

— Сынок, ты начинаешь стареть. Чтобы чего-то достичь, да просто чтобы долго прожить, человек должен угадывать, и угадывать правильно... снова и снова, даже не имея достаточных данных для логического решения. Ты, кажется, рассказывал мне, как сумел меня обнаружить.

— Да, сэр. Документ этот, то есть ваше завещание, дал мне понять, что вы намерены умереть. Тогда, — помедлив, Везерел криво усмехнулся, — мне не пришлось «правильно угадывать, не имея достаточных данных». Два дня у нас ушло на поиски магазина, где вы купили одежду — чтобы понизить свой общественный статус и обрести здешний облик. Думаю, что поддельные документы вы купили как раз после этого.

Он сделал паузу. Лазарус молчал, и Везерел продолжил:

— Еще полдня ушло на то, чтобы разыскать магазин, где вы снизили свой статус еще больше и, похоже, перестарались: торговец помнил, что деньги у вас были. А еще он вас запомнил потому, что поношенную одежду вы выбрали такую, что и новой-то она была бы хуже того, что было надето на вас. О, разумеется, он притворился, что принял вашу историю — дескать, для маскарада, — и закрыл рот на замок. Кстати, в его лавке сбывается краденое.

— Верно, — признал Лазарус. — Я постарался убедиться в этом, прежде чем войти в магазин. Но ты сказал, чтобы он держал рот на замке?

— Пока мы не освежили его память. У барыги свои сложности, Лазарус: ему нужно иметь постоянный адрес. Иногда это вынуждает их быть честными.

— Да, я не осуждаю доброго дядюшку. Вина здесь моя, я допустил промах. Я устал, Айра, да и возраст давал о себе знать — вот я и расслабился. Еще сотню лет назад я подошел бы к проблеме более творчески — я всегда знал, что куда сложнее убедительным образом понизить свой статус, нежели возвысить его.

— Думаю, вам нечего стыдиться проделанной работы, вы подошли к ней достаточно творчески, Старейший, ведь вы водили нас за нос почти три месяца.

— Сынок, этот мир не ценит лучших намерений. Продолжай.

— А потом мы применили грубую силу, Лазарус. Лавка эта находится в самой бедной части города. Мы оцепили весь район и нагнали туда тысячу человек. Долго трудиться не пришлось: вас нашли в третьем клоповнике. Я сам обнаружил вас, потому что был в одном из отрядов. Потом генетический профиль подтвердил вашу личность. — Айра Везерел чуть заметно улыбнулся. — Но новую кровь мы начали вливать в ваши жилы еще до того, как генетический анализатор выдал результаты. Вы были в очень плохом состоянии, сэр.

— Какое там, к черту, «плохое состояние» — я умирал, занимался своим собственным делом. Пример, достойный подражания, Айра. Ты понимаешь, какую грязную штуку со мной сотворил? Человеку не полагается умирать дважды, а я уже прошел все самое худшее и был готов к концу. И тут влезает ты. Мне еще не приходилось слышать, чтобы кого-нибудь подвергали омоложению насильно. Если бы я знал, что ты здесь переиграл все правила, я бы и близко не подошел к этой планете. Теперь мне придется все повторить заново: либо с помощью этой кнопки — а я всегда презирал идею самоубийства, — либо естественным путем. На это теперь потребуется много времени. Как там с моей старой кровью? Сохранили?

— Я выясню это у директора клиники, сэр.

— Ох! Это не ответ, и не пытайся мне лгать. Айра, ты ставишь меня перед дилеммой. Даже без полной обработки я чувствую себя много лучше, чем за последние сорок лет или даже больше... А значит, мне опять придется долгие годы влечить это скучнейшее существование или же нажать эту кнопку, когда тело перестанет протестовать. Негодяй, по какому праву ты вмешался в... хотя, нет, права-то у тебя есть. Какие этические принципы заставили тебя помешать мне умереть?

— Потому что вы нужны нам, сэр.

— Это чисто прагматическая причина, к этике не имеющая отношения. Потребность в этом не была взаимной.

— Старейший, я внимательнейшим образом изучил вашу жизнь, насколько это возможно было сделать по архивным

материалам. Похоже, вам часто случалось руководствоваться прагматическими причинами.

Лазарус ухмыльнулся.

— Ну точно — мой мальчик. Я-то уже гадал, хватит ли у тебя нахальства, подобно какому-то проповеднику, ткнуть меня носом в высокий моральный принцип. Я не верю людям, говорящим об этике, когда они собираются обчистить мои карманы. Но с теми, кто действует в собственных интересах и признает это, я обычно мог договориться.

— Лазарус, если вы позволите нам завершить процедуру омоложения, вам снова захочется жить. Вы это сами знаете — ведь не в первый раз находитесь в подобной клинике.

— С какой целью, сэр, спрошу я вас. У меня было две тысячи лет, чтобы все тут перепробовать. Я видел столько планет, что они смешались у меня в памяти. У меня было столько жен, что я забыл их имена. «А под последнюю посадку, судьба, мне шарик мой пошли...» — черт, даже это не для меня, ибо моя родная зеленая планета состарилась больше меня самого, возвращаться туда — горе, слезы, и ни капли радости. Нет, сынок, несмотря на все омоложения, рано или поздно наступит время, когда остается одно: выключить свет — и на покой. А ты, черт бы тебя побрал, лишил меня и этого права!

— Мне жаль... Нет, мне не жаль. Но я прошу прощения.

— Что ж, возможно, ты его получишь. Но не сейчас. Так для какого же дела я тебе понадобился? Я понял, что оно не связано с этими депортированными смутьянами.

— Безусловно, они не заставили бы меня нарушить ваше право на смерть, с ними я управлюсь — так или иначе. Я полагаю, что Секундус становится слишком перенаселенным и слишком цивилизованным...

— Айра, я в этом не сомневаюсь.

— И поэтому я считаю, что Семействам следует снова переселиться.

— Согласен, хотя лично мне до этого нет дела. Есть одно простое правило: когда на планете появляются миллионные города, население ее приближается к критической массе. Через пару столетий тут будет невозможно жить. Ты уже подыскал планету? И думаешь, что попечители согласятся? А Семейства последуют за попечителями?

— «Да» — по первому вопросу, «может быть» — по второму, и «вероятно, нет» — по третьему. Я подыскал планету. На-

зывается Терциус¹. Она не хуже, а может быть, и получше Секундуса. Я полагаю, что многие из попечителей согласятся с моими аргументами, но не уверен во всеобщей поддержке, которой требует подобное мероприятие: жить на Секундусе так удобно, что большинство людей не способны увидеть в этом неминуемую опасность. Что же касается Семейств — нет, едва ли мы сумеем переубедить большинство из них сняться с места... Но хватит и нескольких сотен тысяч. Отряд Гедеона...² Вы следите за моей мыслью?

— Опережаю ее. Миграция всегда способствует селекции и улучшению. Все элементарно. Если они согласятся. Если Айра, я потратил чертову пропасть времени, объясняя эту идею Семействам, когда мы перебрались сюда в двадцать третьем веке. И так и не справился бы, не превратись Земля к тому времени в довольно гнусное место. Желаю удачи — она тебе потребуется.

— Лазарус, я не жду успеха. Я просто хочу попробовать. А в случае неудачи уйду в отставку и эмигрирую. На Терциус, если удастся сколотить группу, достаточную для создания жизнеспособной колонии; если нет — на любую малонаселенную планету.

— Айра, ты действительно решился на это? Или же, когда придет время, начнешь водить себя самого за нос — дело, мол, прежде всего? Если у человека есть желание властвовать — а без него ты бы не занял это место, — уйти в отставку непросто.

— Я решился, Лазарус. Конечно, я люблю распоряжаться и знаю об этом. Я надеюсь возглавить третий Исход Семейств, но не очень рассчитываю на это. Полагаю, что сумею подобрать подходящий контингент для создания жизнеспособной колонии — молодежь лет по сто, не старше двухсот — и без помощи Фонда. Но если и тут меня постигнет неудача, — он пожал плечами, — мне остается только эмиграция, Секундусу

¹ Названия планет взяты из списка порядковых числительных на латыни: первый — примус, второй — секундус, третий — терциус... — *Примеч. С. В. Голд.*

² *Гедеон* — библейский герой, с маленьким отрядом победивший многочисленных врагов (см. Книга Судей, гл. 6–8). Так же называлось подразделение, отправленное Корпусом времени в 1941 год для предотвращения падения Британии (см. «Уплыть за закат», гл. 27). — *Примеч. С. В. Голд.*

больше нечего предложить мне. В чем-то я могу вас понять, сэр. Я не намереваюсь всю свою жизнь быть исполняющим обязанности. Я и так уже сотню лет занимаю эту должность. Хватит.

Лазарус молчал и, казалось, думал. Везерел ждал.

— Айра, установи здесь эту кнопку. Только завтра, не сегодня.

— Да, сэр.

— А ты не хочешь узнать зачем? — Лазарус взял большой конверт со своим завещанием. — Если ты убедишь меня, что собираешься эмигрировать — в ад, под воду, куда угодно, и не оглядываясь на попечителей, — я хочу переписать это. Мои вложения и наличность — если никто не спер их, пока я ими не занимался, — могут изменить ситуацию. Возможно, их будет достаточно, чтобы стимулировать миграцию. Если попечители не поддержат ее. А они не сделают этого.

Везерел не ответил. Лазарус свирепо взглянул на него.

— Тебя мама не научила говорить «спасибо»?

— За что, Лазарус? За то, что вы отпишете мне после смерти ненужный вам капитал? Если вы поступите так, то ради собственного тщеславия, а не потому что хотите доставить мне удовольствие.

Лазарус ухмыльнулся.

— Да, черт побери. Я хотел бы, чтобы планету назвали моим именем. А как еще я могу обеспечить соблюдение этого требования? Хорошо, мы друг друга поняли. И я думаю... Ты уважаешь хорошую технику?

— А? Да. Настолько же, насколько презираю машины, которые не делают то, ради чего их, по идее, создали.

— Мы по-прежнему понимаем друг друга. Я полагаю, что могу завещать «Дору» — мою яхту — лично тебе, а не исполняющему обязанности председателя, если ты запустишь миграцию.

— Ах, Лазарус, вы заставляете меня благодарить.

— Не стоит. Лучше будь добр с ней. Хороший кораблик, она ничего не видела, кроме добра. Из нее получится хороший флагман. После небольшого переоборудования — это можно сделать через бортовой компьютер — она сможет принять на борт человек двадцать или тридцать. В ней можно садиться на планеты, производить разведку и вновь стартовать — твои транспорты наверняка не способны на это.

— Лазарус... мне не нужны ни ваши деньги, ни яхта. Позвольте им закончить омоложение и собирайтесь с нами. Я отойду в сторону, вы станете боссом. Или же — если хотите — не будете иметь никаких обязанностей, но присоединяйтесь!

Лазарус мрачно усмехнулся и покачал головой.

— Если не считать Секундуса, я участвовал в колонизации шести девственных планет. Причем открытых мною же. Но уже несколько столетий назад забросил и это дело. Со временем надоедает совершенно все. Или ты думаешь, что Соломон обслуживал всю тысячу своих жен? Что же тогда досталось последней? Бедная девочка! Придумай для меня нечто совершенно новое — и я не прикоснусь к этой кнопке и отдам все, что у меня есть, для твоей колонии. Вот это будет честный обмен. А это половинное омоложение меня не устраивает: и помереть не можешь, и чувствуешь себя плохо. Я застрял на полпути между кнопкой и полной обработкой. Я похож на осла, который сдох от голода между двумя охапками сена. Но только это должно быть нечто действительно новое, Айра, такое, чего я еще не делал. Как та старая шлюха, я слишком часто поднимался по этой лестнице — ноги болят.

— Я обдумую эту проблему, Лазарус. Самым тщательным и систематическим образом.

— Ставлю семь против двух, что тебе не удастся найти такое, чего мне не приводилось уже делать.

— Я постараюсь. А вы не воспользуетесь кнопкой, пока я буду думать?

— Не обещаю. Но в любом случае сначала я изменю завещание. Ты доверяешь председателю местного суда? Может понадобится кое-какая помощь... Это завещание, — он постучал по конверту, — согласно которому все уйдет Семействам на Секундусе, останется законным, сколько бы в нем ни было недостатков. Но если я оставлю состояние каким-то конкретным лицам, тебе например, некоторые из моих потомков — а ты понимаешь, их сушая горстка — немедленно поднимут вой и попытаются оспорить его под любым предлогом. Они продержат завещание в суде, Айра, пока все состояние не уйдет на издержки. Давай-ка попробуем избежать этого, а?

— Это можно. Я изменил правила. На нашей планете человек перед смертью имеет право отдать завещание на апробацию, и в случае наличия сомнительных мест суд обязан помочь клиенту сформулировать их так, чтобы завещание наиболее

полно отвечало целям. После выполнения подобной операции суд не принимает протестов, а завещание автоматически вступает в силу после смерти завещателя. Конечно же, если он изменит текст — новый документ должен также подвергнуться апробации, так что изменять завещание — дело накладное. Зато теперь нам не нужны адвокаты, чтобы составить завещание, даже в самых сложных случаях. И тем более они не нужны после этого.

Глаза Лазаруса округлились от удовольствия.

— А ты не огорчил горсточку адвокатов?

— Я успел огорчить столько, — сухо ответил Айра, — что на каждом транспорте, улетавшем на Счастливую, было полно добровольных эмигрантов. Что же касается юристов, то многие из них огорчили *меня* настолько, что отправились в эмиграцию не по своей воле. — Исполняющий обязанности кисло усмехнулся. — Пришлось однажды даже сказать верховному судье: «Уоррен, мне пришлось отменить чересчур много ваших решений. Вы занимались казуистикой, неправильно толковали законы, игнорировали право справедливости с тех пор, как заняли это место. Ступайте домой. Вы будете находиться под домашним арестом до старта „Последнего шанса“. Днем в сопровождении стражи вы можете уладить свои личные дела».

Лазарус хихикнул:

— Надо было повесить. Ты знаешь, чем он занялся? Открыл лавочку на Счастливой и занимается политикой. Если его уже не линчевали.

— Это их проблема, а не моя, Лазарус, я никогда не казнию человека за то, что он просто дурак. Но если он еще и несносен, я его высылаю. Если вам необходимо завещание, нет смысла потеть над новым. Вы просто продиктуете его со всеми условиями и пояснениями, какие посчитаете нужными. Потом мы пропустим текст через семантический анализатор, который перескажет все безукоризненным юридическим языком. Если оно удовлетворит вас, можете передать завещание в Верховный суд; если вы захотите, он сам придет к вам — и проведет апробацию. После этого завещание можно оспорить лишь по приказу нового исполняющего обязанности, что я считаю маловероятным, ибо попечители не допускают не-solidных людей на это место. — Везерел помолчал, потом добавил: — Надеюсь, это отнимет у вас достаточно много времени, Лазарус. Мне бы хотелось отыскать для вас нечто новое, способное вновь пробудить интерес к жизни.

— Хорошо, но не тяни. И не заговаривай мне зубы, как Шахерезада. Пусть мне доставят записывающее устройство — скажем, завтра утром.

Везерел хотел что-то сказать, но промолчал. Лазарус впился в него взглядом:

— Наш разговор записывается?

— Да, Лазарус. И звук, и голоизображение всего, что здесь происходит. Но — прошу прощения, сэра! — все материалы идут прямо ко мне на стол и не попадают в архив без моего одобрения. Пока еще ничего туда не попало.

Лазарус пожал плечами:

— Забудем об этом, Айра, я уже много столетий назад понял, что в обществе, многолюдном настолько, что в нем заведены удостоверения личности, не может быть личной свободы. Законы, защищающие частную жизнь, всего лишь гарантируют, что жучки — микрофоны, объективы и прочее — просто более надежно спрятаны. До сих пор я не задумывался об этом, поскольку прекрасно знал, что в подобных местах подслушивают повсюду. И теперь я не обращаю внимания на такие пустяки, если только не приходится заниматься делами, приходящимися не по вкусу местным законникам. Тогда я прибегаю к более скрытной тактике.

— Лазарус, эту запись можно стереть. Она предназначена лишь для того, чтобы я мог убедиться: Старейшему было оказано должное внимание — а отвечаю за это я сам.

— Я же сказал — забудем. Но меня удивляет твоя наивность. Человек, занимающий такой пост, не может думать, что запись поступает только к нему. Могу поспорить — на любую сумму, — что она попадает еще в два-три места или даже больше.

— Если вы правы, Лазарус, и я смогу установить это, Счастливая пополнится новыми колонистами, но сначала им придется провести несколько неприятных часов в Колизее.

— Айра, это не важно. Если какой-то болван желает полюбоваться, как старик кряхтит на горшке или принимает ванну, — на здоровье. Ты сам способствуешь такому положению дел, считая, что засекреченная информация предназначена лишь для тебя одного. Службы безопасности всегда шпионят за своими боссами и ничего не могут поделать с собой — этот синдром неразлучен с их работой. Ты обедал? Если у тебя есть время, мне доставило бы удовольствие твое общество.

— Отобедать со Старейшим — честь для меня.

— Оставь это, приятель. Старость — не добродетель, она просто не сразу приходит. Я бы хотел, чтобы ты остался потому, что мне приятно твое общество. Эти двое мне не компания, я даже не уверен в том, что они люди. Может быть, это роботы. К тому же на них напялены водолазные костюмы и блестящие шлемы. Я предпочитаю видеть лицо собеседника.

— Лазарус, это снаряжение полностью изолирует их. Для того, чтобы предохранить вас — не их — от инфекции.

— Какой инфекции? Айра, если меня укусит микроб, он тут же сдохнет. Ладно, если они в комбинезонах, почему ты явился в простой одежде?

— Не совсем, Лазарус. Мне нужно было поговорить с вами с глазу на глаз. Поэтому меня два часа самым тщательным образом обследовали, от макушки до пяток простерилизовали — кожу, волосы, уши, ногти, зубы, нос, горло и так далее, — даже заставили подышать газом, название которого я не знаю. Знаю только то, что он мне не понравился... Одежду мою простерилизовали еще более тщательно. Вместе вон с тем конвертом. Эта палата стерильна и поддерживается в таком состоянии.

— Айра, подобные предосторожности просто излишни. Или, может быть, мой иммунитет сознательно ослабили?

— Нет... или лучше сказать — не думаю. Для этого нет причин, поскольку все трансплантаты, конечно же, изготавливались из вашего собственного клона.

— Значит, это излишне. Если я ничего не подхватил в том клоповнике, почему я должен заразиться здесь? Я вообще ничего не подхватываю. Мне приходилось работать врачом во время эпидемий. Не удивляйся, медицина — одна из пятидесяти моих специальностей. Это было на Ормузде¹. Какой-то неведомый мор, заболели все поголовно, двадцать восемь процентов умирало. Только у вашего покорного слуги не было даже насморка. Так что скажи им — нет, ты захочешь сделать это через директора клиники, ибо нарушение субординации нарушает моральный дух, — хотя на кой черт мне беспокоиться о моральном духе этой конторы, куда меня приволокли против моего желания? Ладно, скажи директору: если ему угодно, чтобы за мной ходили няньки, то пусть будут одеты как няньки. Точнее — как люди. Айра, если ты хочешь, чтобы я обна-

¹ *Ормузд* — планета названа по имени главного божества в пантеоне зороастрийцев, что означает «бог мудрый».

ружил желание сотрудничать с тобой, начнем с того, что и ты проявишь намерение сотрудничать со мной. Иначе я голыми руками скручу им шлемы.

— Лазарус, я переговорю с директором.

— Хорошо, а теперь пообедаем. Но сперва выпьем — а если директор будет возражать, скажи ему, что тогда меня придется кормить силой и еще неизвестно, в чье горло затолкают эту трубку. Я не желаю, чтобы моими вкусами пренебрегали. На этой планете найдется настоящее виски? В прошлый раз, когда я здесь был, не нашлось.

— Здешнее виски лучше не пить, я предпочитаю местное бренди.

— Отлично. Мне бренди с содовой, лучшего не придумаешь. Бренди «Манхэттен», если кто-нибудь еще знает, что это такое.

— Я знаю, старинные напитки мне нравятся, я кое-что узнал о них, когда изучал вашу жизнь.

— Отлично. Тогда закажи нам выпивку и обед, а я послушаю. Посмотрю, сколько слов удастся узнать. Кажется, память возвращается понемногу.

Везерел заговорил с одним из техников, но Лазарус перебил его:

— Сладкого вермута на одну треть бокала, а не на половину.

— Так. Значит, вы меня поняли?

— В основном. Индоевропейские корни, упрощенные синтаксис и грамматика — я начинаю кое-что вспоминать. Черт побери, когда человеку приходится знать столько языков, сколько мне, нетрудно и ошибиться. Но все возвращается понемногу.

Заказ исполнили быстро, можно было подумать, что блюда для Старейшего и исполняющего обязанности председателя подготовили заранее.

Везерел поднял бокал:

— За долгую жизнь!

— Не дай бог, — буркнул Лазарус, пригубил — и скривился. — Тьфу! Кошачья моча. Но алкоголь есть. — Он снова сделал глоток. — А все-таки лучше, когда обжигает язык. Итак, Айра, мы долго проговорили. Так каковы же истинные причины, заставившие тебя лишиться меня заслуженного отдыха?

— Лазарус, нам нужна ваша мудрость.

ПРЕЛЮДИЯ

II

Лазарус взглянул на него с ужасом:

— Что ты сказал?

— Я сказал, — повторил Айра Везерел, — что нам нужна ваша мудрость, сэр. Очень нужна.

— А я уж подумал, что попал вновь в один из предсмертных кошмаров. Сынок, ты ошибся дверью. Поищи на той стороне коридора.

Везерел покачал головой:

— Нет, сэр. Конечно, я могу и не употреблять слова «мудрость», если оно вас коробит. Но мы должны изучить ваши познания. Вы более чем в два раза старше следующего за вами по возрасту члена Семейств. Вы упомянули, что изучили более пятидесяти профессий. Вы бывали повсюду, видели больше, чем кто бы то ни было. Безусловно, вы знаете больше любого из нас. Сейчас мы все делаем гораздо лучше, чем две тысячи лет назад, когда вы были молоды. Вы должны знать, почему мы до сих пор совершаем те же самые ошибки, что и наши предки. И для нас будет огромной потерей, если вы поторопите смерть, не успев рассказать нам все, что вы узнали.

Лазарус нахмурился и закусил губу.

— Сынок, к числу тех немногих вещей, которые мне удалось постичь, относится и такой факт — люди редко учатся на чужом опыте. Обычно они учатся — что бывает нечасто — на собственных ошибках.

— Уже одно подобное утверждение стоит многого.

— Гм! Оно ничему не учит и не научит, оно само об этом говорит. Айра, возраст не приносит мудрости. Часто он всего лишь преобразует простую глупость в раздутое тщеславие. Единственное преимущество, которое дает он, — восприятие перемен. Для молодого человека мир — недвижная, застывшая картинка. Старику же перемены, перемены и перемены так намозолили глаза, что он понимает — мир меняется, картинка движется. Может быть, ему это не нравится — скорее всего, не нравится, как и мне, — но он знает, что мир изменя-

ется, и, таким образом, делает первый шаг, чтобы совладать с ним.

— Могу ли я поместить в открытую запись эти слова?

— Ха! Это не мудрость — это клише. Очевидная истина. С этим не будет спорить и дурак.

— Но ваше имя, Старейший, придаст этим словам больше веса.

— Поступай как знаешь, это просто здравый смысл. И если ты думаешь, что я лицезрел лик Господень, подумай как следует еще раз. Я даже не пробовал разобраться, как работает Вселенная, а тем более не знаю, в чем ее смысл. Чтобы выяснить, как устроен этот мир, нужно встать рядом с ним и поглядеть со стороны. Не изнутри. И ни две тысячи лет, ни двадцать две ничего не дадут. Вот когда человек умрет — он может избавиться от локальной перспективы и увидеть мироздание в целом.

— Значит, вы верите в загробную жизнь?

— Притормози-ка! Я не верю ни во что. Зато кое-что знаю — разные мелочи, а не девять миллиардов имен Бога — по своему опыту. Но веры у меня нет. Вера мешает учиться.

— Вот это нам и нужно, Лазарус, ваши познания — хоть вы и говорите, что это «разные мелочи». Разрешите мне сделать следующее предположение: человек, проживший два тысячелетия, неминуемо должен был многому научиться. Иначе он просто не дожил бы до таких лет. Это неизбежно уже потому, что мы живем много дольше, чем наши предки. Люди умирают в основном насильственным образом. Дорожные происшествия, убийства, звери, спорт, ошибки летчиков... что-то скользкое, подвернувшееся под ногу, — рано или поздно нас что-нибудь достанет. А вы прожили отнюдь не тихую и безмятежную жизнь — совсем наоборот! — и тем не менее избежали всех опасностей, выпадавших на вашу долю за двадцать три столетия. Как? Нельзя же такое объяснить просто удачей.

— А почему бы и нет? Айра, случаются и самые невероятные вещи, попробуй представить себе нечто более невозможное, чем младенец. Но это правда — я действительно всегда смотрел, куда ставить ноги... и никогда не вступал в схватку, если ее можно было избежать... а когда уклониться не удавалось, я прибегал ко всяким подлым уловкам. Если мне пришлось драться, я всегда желал, чтобы умер мой враг, а не я. Так я поступал. Тут дело не в удаче. Во всяком случае, не только в удаче. — Лазарус задумчиво поморгал. — Я никогда не

плевал против ветра. Однажды меня собралась линчевать целая толпа. Я не стал их переубеждать, а просто дал деру, так быстро, как только мог, не останавливаясь, пока между нами не пролегло много миль, и больше туда не возвращался.

— В ваших мемуарах этого нет.

— В моих мемуарах многого не хватает. А вот и жрачка.

Дверь раздвинулась, внутрь въехал обеденный стол на двоих, остановился между расступившимися креслами и начал раскладываться и сервироваться. Техники бесшумно приблизились и предложили свои услуги, но их помощь не понадобилась.

— Пахнет неплохо, — произнес Везерел. — Соблюдаете ли вы за едой какие-нибудь обряды?

— А? Молюсь ли? Нет.

— Я не о том. Скажем, когда со мной обедает кто-нибудь из подчиненных, я не допускаю за столом деловых разговоров. Но если вы не против, я бы хотел продолжить нашу беседу.

— Конечно. Почему бы и нет, если воздерживаться от нарушающих пищеварение тем. Вы когда-нибудь слышали, что священник сказал старой деве? — Лазарус взглянул на стоявшего рядом техника. — Ладно, в следующий раз. По-моему, тот, что ростом пониже, — женщина, и, возможно, она знает английский. Так что ты говорил?

— Я сказал, что ваши мемуары далеко не полны. Поэтому, даже если вы решились вновь пройти весь процесс умирания, не согласитесь ли вы ознакомить меня и прочих ваших потомков с незаписанной частью? Просто поговорим, вы расскажете о том, что видели и делали. Тщательный анализ ваших воспоминаний может нас многому научить. Кстати, что именно произошло на собрании Семейств в две тысячи двенадцатом? Протоколы о многом умалчивают.

— Кого это нынче интересует, Айра? Все действующие лица мертвы и не могут оспорить мою версию событий. Пусть спящие собаки хоронят своих мертвецов. К тому же я уже говорил тебе — моя память шалит. Я воспользовался гипноэнциклопедической методикой Энди Либби — неплохая штука-вина, — научился хранить ненужные в повседневной жизни воспоминания в блоках, которые открываются при необходимости ключевыми словами, как папки в компьютере. И я несколько раз очистил мозг от ненужных воспоминаний, чтобы освободить место для новых данных, — но все без толку.

Содержание

ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЛЮБВИ, ИЛИ ЖИЗНЬ ЛАЗАРУСА ЛОНГА. Роман <i>Перевод Ю. Соколова</i>	5
<i>С. В. Голд.</i> О романе «Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга»	693

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЛЮБВИ,
ИЛИ ЖИЗНЬ ЛАЗАРУСА ЛОНГА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Сологуб, Валерий Камендо,
Ксения Казак

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.08.2018. Формат издания 84 × 108 1/32.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 36,96. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AFA-23495-01-R